

A black and white portrait of Alexander Zinoviev, a middle-aged man with dark hair, looking slightly to the left. He is wearing a dark jacket over a collared shirt. The background is a colorized image of the Kremlin in Moscow, featuring the Spasskaya Tower and the red walls, with some evergreen trees in the foreground.

ПОЛИТБЕСТ

АЛЕКСАНДР
ЗИНОВЬЕВ

ИДЕОЛОГИЯ
ПАРТИИ БУДУЩЕГО

Политбест

Александр Зиновьев

Идеология партии будущего

«Алгоритм»

2003

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)64

Зиновьев А. А.

Идеология партии будущего / А. А. Зиновьев —
«Алгоритм», 2003 — (Политбест)

ISBN 978-5-906995-79-7

В своей книге выдающийся философ, социолог и политолог нашего времени Александр Александрович Зиновьев пытается найти выход из тупика новейшей истории. Он пишет, что сейчас наступила эпоха тотальной социальной реакции: под прикрытием демократических лозунгов насаждаются дремучие идеологии прошлого, происходит массовое помутнение умов. Кажется, нет силы, способной остановить это мракобесие, но Александр Зиновьев призывает не терять исторического оптимизма. Автор намечает черты нашей будущей идеологии и контуры партии, которая способна претворить эти идеологические установки в жизнь.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)64

ISBN 978-5-906995-79-7

© Зиновьев А. А., 2003
© Алгоритм, 2003

Содержание

Предисловие	6
Что такое идеология	7
Социальные объекты	8
Человек	11
Менталитетная сфера общества	13
Клеточка идеологии	14
Идеосфера общества	19
Идеология и религия	21
Идеология и философия	23
Идеология и наука	25
Идеологическое мышление	28
Родина идеологии	30
Марксизм	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Зиновьев

Идеология партии будущего

© Зиновьев О. М., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Предисловие

После распада советского коммунистического блока, распада самого Советского Союза и разгрома коммунистического социального строя в странах этой части человечества в мире началась эпоха эволюционного спада, эпоха тотальной социальной реакции. Социальная направленность этой реакции – антикоммунизм, антисоциализм, антидемократизм и антилиберализм. Важнейшим компонентом этой реакции является искусственно создаваемое и всячески поощряемое тотальное помутнение умов, искусственная реанимация дремучих идеологий прошлого и изобретение новых того же интеллектуального уровня и направленности. Осуществляет её западнистское сверхобщество во главе с США. Она не встречает серьезных препятствий, которые могли бы её остановить и даже хотя бы ослабить. Самой крупной жертвой этой реакции, а теперь и её активным участником на стороне США стала Россия. Этот эволюционный процесс становится угрозой существованию миллиардов людей на планете и всему человечеству. Может ли он быть остановлен? Если это возможно, то, по моему убеждению, лишь при том условии, что будет создана новая идеология, сопоставимая по масштабам с марксистской идеологией, но превосходящая её по интеллектуальному уровню и по степени соответствия условиям и потребностям наступившего третьего тысячелетия, и возникнет достаточно сильная организация единомышленников, которая примет такую идеологию и сделает своей сознательной целью социальные преобразования в духе идеала будущего человечества, предлагаемого в этой идеологии.

Я здесь хочу изложить мои соображения по поводу такой идеологии для партии будущего. Эти соображения основываются на моих многолетних исследованиях, опубликованных в России в многочисленных книгах, статьях, публичных докладах и интервью.

Что такое идеология

Что такое идеология? Ясности и определенности на этот счет нет. В советские годы слово «идеология» употребляли неохотно. А если употребляли, то чаще в негативном смысле, поскольку Маркс вслед за Наполеоном определил идеологию как ложную (искаженную) форму сознания. Марксизм же в Советском Союзе официально рассматривался как наука, а не как идеология. Вместе с тем в партийном аппарате были специальные функционеры и даже целые отделы, которые ведали работой, называвшейся идеологической. На Западе же марксизм относили именно к идеологии наряду с маоизмом, национал-социализмом, фашизмом и другими явлениями такого рода. Крах этих учений объявили концом эпохи идеологий и началом эпохи деидеологизации. Западное общество рассматривали как неидеологическое, связывая слово «идеология» исключительно с коммунизмом (марксизмом, ленинизмом), фашизмом, национал-социализмом. В постсоветской России слово «идеология» стали употреблять довольно часто. Заговорили об идеологическом вакууме (после отмены марксизма-ленинизма) или об идеологическом хаосе, о потребности в идеологии для партий, для власти и даже для всего народа. Стали сочинять тексты, претендующие на роль идеологии.

Если просмотреть те определения идеологии, которые даются в профессиональных философских и социологических сочинениях, и суждения о ней, то поражает разногласия, поверхностность, пустословие, эклектичность и полное отсутствие даже малейших намеков на научное понимание одного из важнейших социальных явлений. А без научного, удовлетворяющего критериям логики, определения всякие разговоры на тему об идеологии лишены смысла.

Предварительно идеологию можно определить как совокупность понятий, суждений, идей, учений, концепций, убеждений, мнений и т. п. людей обо всем том, что в данных условиях и в данной человеческой общности считается важным для осознания человеком самого себя и своего природного и социального окружения. Но чтобы описать, какими свойствами обладает эта совокупность и какие функции она выполняет в жизни людей, надо рассмотреть её как часть сложного комплекса социальных явлений.

Социальные объекты

Социальные объекты суть объединения людей, а люди – члены этих объединений. Все в мире есть результат комбинирования некоторых элементарных частичек – атомов. Я принял это допущение в отношении социальных объектов. Что считать социальными атомами, напрашивается само собой, – это люди. Но не просто люди со всеми теми свойствами, какие вообще у них можно обнаружить, а лишь с такими, которые непосредственно играют социальную роль и учитываются при определении человека как социального атома. Человек в этом качестве не делится на части, которые сами суть социальные объекты. Он в этом качестве состоит из тела, способного выполнять необходимые для его существования действия, и особого органа, управляющего телом, – сознания. Задача сознания – обеспечить поведение тела, адекватное условиям его жизни, и его самосохранение.

Хотя человечество добилось баснословных успехов в познании бытия, до сих пор живет и даже преобладает взгляд на человеческое сознание как на особую идеальную (нематериальную) субстанцию, принципиально отличную от субстанции материальной (вещной). Это разделение духа и материи и лишение духа материальности из религии перешло в идеалистическую философию (или наоборот?), а из идеалистической философии – в «перевернутом» виде в философский материализм. На самом деле сознание людей (мышление, дух) есть явление не менее материальное, чем прочие явления живой и неживой природы. Никакой бестелесной (нематериальной, идеальной) субстанции вообще не существует. Сознание есть состояние и деятельность мозга человека со связанной с ним нервной системой. Идеи (мысли) суть состояния клеток мозга и комплексы вполне материальных знаков. И если люди при рассмотрении и переживании идей отвлекаются от всего этого или не отдают себе в этом отчета, если они абстрагируют лишь один аспект идей, а именно аспект отражения мозгом и знаками явлений реальности, или сосредоточивают лишь на нем внимание, то это не означает, будто идеи на самом деле таковы.

Обычно, говоря о сознании людей, имеют в виду содержание сознания (образы, мысли) и игнорируют аппарат сознания, без которого это содержание не существует. Положение тут подобно тому, как если бы мы захотели сохранить написанное на холсте масляными красками изображение, уничтожив материальные холст и краски, или сохранить описание событий в книге, уничтожив бумагу и типографскую краску, благодаря которой напечатаны буквы. Аппарат сознания человека состоит из чувственного, биологически прирожденного и передаваемого по биологическому наследству аппарата, и знакового, искусственного, неприрожденного и не передаваемого по биологическому наследству аппарата. Первый состоит из головного мозга, нервной системы и органов чувств. Он неотделим от человеческого тела, есть часть тела. Он обладает способностью создавать в себе чувственные образы явлений реальности (ощущения, восприятия), хранить их в себе (память), воспроизводить без непосредственного воздействия явлений внешнего мира, комбинировать из имеющихся образов новые (воображение, фантазия) и т. д. Этот аппарат изучается психологами и физиологами. Второй (знаковый) аппарат возникает на основе первого (чувственного), предполагает его в качестве необходимого условия и средства, переплетается с ним. Чувственный аппарат испытывает влияние знакового. По мере разрастания знакового аппарата роль его в сознании людей становится настолько значительной, что он становится доминирующим.

Суть знакового аппарата заключается в том, что люди с помощью чувственного аппарата устанавливают соответствие между различными явлениями реальности и оперируют одними из них как своего рода заместителями или двойниками других. Со временем изобретаются или отбираются особого рода предметы, удобные для этой цели. Они отделимы от человека, легко воспроизводимы, могут накапливаться из поколения в поколение. Изоб-

ретаются правила оперирования знаками. Этим правилам обучаются с рождения. Они не наследуются биологически. В своем чувственном аппарате люди оперируют чувственными образами знаков как заместителями обозначаемых ими предметов. На рассмотренной основе развивается язык и способность оперировать языковыми знаками по особым правилам, высшим уровнем которых являются логические правила.

Знаки, включая знаки языка, суть все без исключения материальные (вещественные, осязаемые, видимые, слышимые) явления. Никаких нематериальных знаков не существует. Возможно такое, что из данных знаков образуется новый знак или с их помощью изобретается новый знак, для которых нет реального предмета или предмет остается лишь воображаемым («круглый квадрат», «всемогущий Бог»). Но невозможно такое, чтобы знак был нематериален, т. е. невидим, неслышим, неосязаем.

Будем называть сознательным такое действие (поступок) человека, когда человек до совершения этого действия имеет в сознании цель действия, т. е. осознает, в чем именно должно заключаться действие, и рассчитывает на определенный результат действия. Совокупность действий человека образует его поведение. Поведение человека включает в себя сознательные действия, но не на сто процентов состоит из них. Люди в значительной мере действуют непроизвольно, наугад, животнобразно. Так что можно говорить лишь о степени сознательности поведения. Эта степень достаточно велика, чтобы положить между животными и людьми непреодолимую для первых преграду и породить новое качество в эволюции живой материи.

Сознание является фактором человеческих действий не само по себе, а посредством эмоционально-волевого механизма. Этот механизм является продуктом биологической эволюции людей. Он становится компонентом человеческой деятельности благодаря сознанию.

Социальным объединением я называю сознательное объединение людей как социальных атомов для совместных сознательных действий. Эти объекты не наследуются биологически. Они искусственно изобретаются, сохраняются (воспроизводятся) и эволюционируют благодаря сознательно-волевой деятельности людей. Это не означает, будто они суть продукты субъективного произвола людей. Существуют определенные объективные законы, с которыми так или иначе люди вынуждены считаться в своей жизнедеятельности в этом её аспекте. Эти законы объективны в том смысле, что не зависят от того, знают о них люди или нет (как правило, они о них не знают или не осознают их в качестве именно объективных законов).

Особенность социальных законов состоит в том, в каком смысле они объективны. Тут мало признать объективность в том смысле, в каком мы признаем объективность законов и вообще явлений неживой и дочеловеческой живой природы, т. е. в смысле признания их существования вне сознания исследователей, независимо от воли и сознания исследователей. Проблема тут заключается в том, что социальные законы суть законы сознательной и волевой деятельности людей, но они при этом не зависят от сознания и воли людей. Кажется, будто одно исключает другое, будто тут имеет место логическое противоречие. На самом деле тут никакого противоречия нет. Тут надо различать два различных явления, а именно отдельно взятые действия людей как эмпирические объекты и законы таких явлений. Отдельно взятые социальные действия людей являются сознательно-волевыми, но законы этих действий таковыми не являются. Отдельные действия суть эмпирические явления, которые можно наблюдать непосредственно. Законы же их так наблюдать невозможно. Для обнаружения их нужна особая работа ума, особые познавательные операции.

Приведу для примера простейшие социальные законы социальных объединений. Чтобы такое объединение как целое совершало сознательные действия, оно должно как целое обладать управляющим органом, сознанием. Для этого должно произойти разделение членов объединения на таких, которые становятся воплощением мозга объединения,

и таких, которые становятся управляемым телом объединения. Часть членов объединения должна стать носителями и исполнителями функции сознания объединения. Если в человеческом объединении не происходит рассмотренное выше разделение на управляющий орган и управляемое тело, оно оказывается нежизнеспособным.

Управляющий орган должен быть один. Он может быть сложным, расчлененным на части, но он сам должен быть единым объединением. Если в объединении появляются два или более таких органа, возникают конфликты, объединение распадается или образуется какой-то неявный орган единства, подчиняющий себе явные, претендующие на эту роль. Борьба за единовластие в объединении есть форма проявления рассматриваемого закона.

Объективность социальных законов вовсе не означает, будто люди не могут совершать поступки, не считаясь с ними. Как раз наоборот, люди их обычно вообще не знают и постоянно игнорируют их, поступая так, как будто никаких таких законов нет. Но люди столь же часто игнорируют законы природы, отчего последние не перестают существовать.

Человек

Человеческие объединения как социальные объекты многочисленны и разнообразны. Логическую основу для их систематического обзора дает выделение и анализ объединения такого типа, которое я называю человеком. Это объединение обладает следующим комплексом признаков. Члены человека живут совместно исторической жизнью, т. е. из поколения в поколение, воспроизводя себе подобных людей. Они живут как целое, вступая в регулярные связи с другими членами человека. Между ними имеет место разделение функций, они занимают в человеке различные позиции. Причем, эти различия лишь отчасти наследуются биологически (различие полов и возрастов), а главным образом они приобретаются в результате условий жизни человека. Члены человека совместными усилиями обеспечивают самосохранение человека. Человек занимает и использует определенное пространство (территорию), обладает относительной автономией в своей внутренней жизни, производит или добывает средства существования, защищает себя от внешних явлений, угрожающих его существованию. Он обладает внутренней идентификацией, т. е. его члены осознают себя в качестве таковых, а другие его члены признают их в качестве своих. Он обладает также внешней идентификацией, т. е. люди, не принадлежащие к нему, но как-то сталкивающиеся с ним, признают его в качестве объединения, к которому они не принадлежат, а члены человека осознают их как чужих.

Человек характеризуется материалом (веществом, материей), из которого он строится, и организацией этого вещества. Материал человека образуют социальные атомы (люди) и все то, что создается и используется ими для существования: орудия труда, жилища, одежда, средства транспорта, технические сооружения, домашние животные, культурные растения и прочие материальные явления. Согласно моей теории, определяющим фактором формирования, функционирования и эволюции человек является их социальная организация. Социальной организацией при этом я называю то в организации человека, что обусловлено социальными законами.

Социальная организация возникает, функционирует и эволюционирует одновременно во многих различных измерениях. Основные измерения суть следующие.

Прежде всего можно различить два аспекта, в которых происходит жизнедеятельность членов человека: деловой и коммунальный. В первом из них люди занимаются каким-то делом, благодаря которому они могут существовать и удовлетворять свои потребности, выполнять в человеке тем самым какие-то функции. Во втором люди совершают какие-то поступки и вступают в какие-то отношения в зависимости от того, что их много, что они вынуждены жить совместно из поколения в поколение и как-то считаться друг с другом.

Деловой и коммунальный аспекты различаются в одном измерении человека. В другом измерении различаются телесный и «духовный» (менталитетный) аспекты. В первом из них люди живут и действуют как существа телесные. Во втором люди обучаются и обрабатываются применительно к условиям и требованиям своего человека. Я называю его менталитетным, поскольку формирование и поведение человека в качестве члена человека есть, прежде всего, формирование его сознания (менталитета) и сознательное поведение. Различение этих аспектов возникает одновременно с различением делового и коммунального аспектов. Происходит, далее, дифференциация внутри каждого из аспектов, причем в разных измерениях.

В структуре человека можно различить также три основных уровня – микроуровень, макроуровень и суперуровень. На микроуровне члены человека образуют первичные деловые клетки. Такие клетки образуют основную массу тела человека. В них протекает основная жизнедеятельность членов человека. На макроуровне образуются

объединения деловых клеточек в особые сферы, охватывающие своей деятельностью человек в целом, – образуют органы человека, выполняющие особые функции его как целостного социального организма. Основные из этих сфер суть сферы власти, хозяйства и менталитета. В высокоразвитых людях, какими являются общеизвестные и привычные общества, эти сферы есть государственность, право, экономика, идеология. Суперуровень человека образуют явления, возникающие на основе явлений микроуровня и макроуровня, но выходящие за их пределы. Это социальные слои и классы, партии, профсоюзы и другие объединения людей. На этом уровне возникают сверхклеточные, сверхгосударственные, сверхправовые, сверхэкономические явления. То, что называют гражданским обществом, есть явление на суперуровне.

История человечества есть история возникновения, изменения, борьбы, гибели, распада, эволюции и т. д. людей. Я различаю три эволюционных их типа по уровню социальной организации: предобщества, общества и сверхобщества.

Исторически предобщества были предшественниками, материалом и условиями возникновения обществ. Это, например, большие семьи, роды, племена, союзы племен. Общество образуется тогда, когда в каком-то ограниченном пространстве скапливается достаточно большое число людей и вынуждается на постоянную совместную жизнь в течение многих поколений не в силу родственных отношений (хотя они не исключаются), как это имеет место в предобществах, а по каким-то другим причинам. Эти люди образуют группы, имеющие свои частные интересы. Последние могут совпадать для некоторых из них, могут различаться для других и быть даже противоположными, могут совпадать в одних отношениях и различаться в других. Но всем им свойственно одно общее: эти частные интересы различных групп могут быть удовлетворены только в составе объединения этих групп в единое целое. Общество возникает как общее для разнородных людей и их групп с различными интересами условие удовлетворения их частных интересов.

Это условие выполняется путем создания специфически общественной социальной организации. Я употребляю для обозначения её основных компонентов выражения «сфера государственности» («государственность», «государство»), «сфера экономики» («экономика»), «идеологическая сфера» («идеосфера», «идеология»).

Наивысшего уровня общественная социальная организация достигла в XX веке в странах западного мира.

Эволюция людей не закончилась уровнем обществ. В двадцатом веке произошел великий эволюционный перелом в истории человечества. Самую глубокую социальную основу его образует то, что начался переход человечества от стадии обществ к стадии людей более высокого уровня социальной организации – к стадии сверхобществ, социальная организация которых определяется понятиями «сверхгосударство», «сверхидеология», «сверхэкономика» и т. д. Исторически первым сверхобществом явилось то, которое было построено в нашей стране после Октябрьской революции 1917 года.

Великий эволюционный перелом проявился во множестве явлений, в их числе – в превращении социальной эволюции в планируемую и управляемую, в тенденции к безальтернативности (тоталитарности) эволюции, к виртуализации и регрессивности. Чтобы увидеть все это и понять, необходимо выработать в себе способность к научному подходу к социальным явлениям, о чем скажу ниже.

Менталитетная сфера общества

Когда число людей в человеичке невелико, и менталитетный аспект развит слабо, один человек в одиночку или с несколькими помощниками может выполнять все то, что требуется для жизни и самосохранения человеичка в этом аспекте. В больших и развитых человеичках происходит разрастание и усложнение менталитетного аспекта, возникает особая сфера из множества людей, каким-то образом организующихся, происходит разрастание и усложнение этой сферы как особого компонента социальной организации человеичка. Первоначально это – одна единая сфера. Со временем происходила её дифференциация на ряд различных сфер и отпочкование от неё в виде самостоятельных сфер, отчасти выходящих за рамки менталитетного аспекта, а то и вообще теряющих исторически исходные функции. Таким путем на уровне общества произошло отпочкование сфер науки, искусства, образования, развлечения, информации. В современных обществах в менталитетной сфере функционируют религиозные организации, школы, университеты, газеты, журналы, книжные издательства, театр, кино, музеи, галереи, писатели, художники, всякого рода творческие союзы, научные учреждения, радио, телевидение и т. д. и т. п. Если принять в расчет огромное число людей, обслуживающих тех, кто профессионально занят в менталитетной сфере, то в этой сфере оказываются заняты до 20 процентов работающих членов общества (если не больше).

В результате дифференциации менталитетной сферы и образования различных сфер со своей особой специализацией произошло то, что основная функция исторически исходной единой (недифференцированной) менталитетной сферы стала функцией одной из её частных сфер, образовавшихся в её развитом состоянии. Будем называть эту сферу идеологической или идеосферой.

Можно, таким образом, констатировать два уровня в эволюции менталитетной сферы человеичков. Низший – недифференцированная менталитетная сфера. Назовем её доидеологической. Более высокий уровень – дифференциация менталитетной сферы, отпочкование сфер познания (науки), искусства, образования, развлечения и других, образование идеосферы. Назовем этот уровень идеологическим.

Клеточка идеологии

Слово «идеология» употребляется во многих различных значениях, в том числе – для обозначения своего рода субстанции, как бы растворенной в человеке, образующей аспект жизни членов человеческого сообщества, компонент его организации. Но эта субстанция имеет определенную структуру. Частицами её являются своего рода идеологические клеточки и фрагменты таких клеточек, разбросанные по другим явлениям менталитетного аспекта. Эти клеточки также называются идеологиями. Они обладают свойствами, присущими идеологической субстанции в целом. Понимание их дает ключ к пониманию идеологии в первом смысле.

Идеологическая клеточка есть сравнительно автономная совокупность слов и образованных из них высказываний (суждений, утверждений), т. е. явление языковое. Это, можно сказать, некоторый текст. Употребляется также выражение «совокупность идей». Идеология в самом узком смысле слова есть, таким образом, некоторое языковое образование, текст, совокупность идей. Она характеризуется некоторым комплексом признаков, отличающим её от научных, политических, юридических, литературных, деловых, бытовых и всех прочих языковых образований, текстов, совокупностей идей. Рассмотрим кратко основные из этих признаков.

По своему содержанию идеология есть совокупность суждений (высказываний, фраз, утверждений) о явлениях, среди которых приходится жить людям, которые приходится им наблюдать, с которыми приходится иметь дело, о которых приходится размышлять, – о человеке, о сознании, об отношениях между людьми, о природе, о космосе, о прошлом, о будущем и т. д. Это не значит, что каждая идеология по отдельности содержит в себе эти суждения. Идеологий много. Они различны по составу таких суждений. Бывают сравнительно бедные, бывают богатые, широкие. Но все множество идеологий в совокупности охватывает все те явления, которые попадают в сферу внимания каких-то людей и отражаются в их сознании в форме идеологических суждений.

Но специфическая социальная роль (функция) идеологии – не познание реальности, не образование, не развлечение, не информация о событиях и т. д. (хотя это все не исключается, а предполагается), а формирование у людей определенного понимания явлений окружающей их среды и жизни в этой среде. Причем, такого понимания, которое существенным образом влияет на их поведение. Другими словами, специфическая функция идеологии – формирование сознания людей и воздействие на их поведение путем воздействия на их сознание.

Идеология возникает не сама по себе. Она сознательно изобретается особыми людьми – творцами идеологии. Ее изобретение не сводится к тому, чтобы изобрести некоторый текст. Этого мало. Этому тексту ещё должна быть навязана определенная социальная роль: некоторая совокупность людей должна использовать этот текст как средство воздействия на другую совокупность людей ради достижения своей цели. Будем первую совокупность людей называть субъектом идеологии, а вторую – объектом её воздействия. Идеология функционирует не сама по себе. Субъект идеологии сознательно использует изобретенный идеологический текст для формирования сознания людей, входящих в объект идеологии, и воздействия на поведение этих людей путем воздействия на их сознание в желаемом для себя духе.

Задача идеологии – стандартизация сознания людей, для которых она предназначена, т. е. выработка у них некоторого стандартного, одинакового для всех способа понимания окружающих их явлений бытия и их жизни. Причем, не побуждение людей к самостоятельному познанию, а навязывание им некоторого априорного, изобретенного другими (творцами идеологии) понимания включаемых в сферу внимания идеологии явлений. Идеология

дает людям априорную систему интеллектуальных координат, позволяющую им в той или иной мере ориентироваться в социальной среде, причем – в интересах, задаваемых субъектом идеологии. Хотя творцы идеологии вырабатывают её на основе какого-то познания реальности, она создается именно с такой целью, чтобы стать априорным инструментом сознания. С этой точки зрения она не хуже и не лучше научных, литературных, политических и прочих словесных конструкций (текстов). У последних другие социальные функции. И ничто иное не может заменить идеологию в этой её специфической функции.

Чтобы идеология смогла успешно выполнить свою задачу, она должна удовлетворять определенным критериям. Она должна быть словесно понятна для тех, для кого она предназначена, без специального образования или хотя бы при условии общепонятных пояснений. Она должна в какой-то мере соответствовать интересам и желаниям этих людей, их умонастроениям. Она должна восприниматься этими людьми как обоснованная признаваемыми ими аргументами, убедительная. Она должна быть адекватной реальности, в которой живут идеологически обрабатываемые люди.

Идеология в целом – не инструкция для действий и не кодекс правил поведения, хотя в ней и могут быть отдельные фрагменты такого рода. Идеология – средство, с помощью которого определенные люди вырабатывают желаемый «поворот мозгов» у других людей, который сказывается в некоторых поступках последних. Люди совершают свои поступки под влиянием многих факторов. Идеология является лишь одним из них и далеко не всегда – решающим.

Идеология характеризуется силой воздействия на людей, – степенью эффективности. Эта степень должна быть достаточно велика, чтобы идеология выжила в качестве актуально функционирующего социального явления. Если она опускается ниже некоторого минимума, то данный текст перестает выполнять функции идеологии. Как следствие она сходит со сцены истории. Степень эффективности зависит от многих факторов, в их числе – от состояния объекта идеологического воздействия, от затрат на распространение, от степени адекватности и т. д.

Идеология изобретается с целью проникнуть в сознание определенной категории людей. Но идеи не сами собой проникают в головы людей. Мало изобрести идеи, какими бы хорошими они ни были. Должны быть особые личности, задача которых – вбивать идеологию в головы людей, намеченных для этой цели. Эти личности образуют идеологический механизм. Когда их много и в их распоряжении оказывается время и средства, они организуются и вырабатывают особую технологию идеологической обработки людей.

Сознание отдельно взятых конкретных людей формируется под влиянием множества разнообразных факторов. В их число входит множество различных идеологий, а не одна какая-то определенная идеология. Люди приобретают какие-то элементы идеологии от окружающих их людей, в бытовом и деловом общении с ними, в процессе воспитания и образования, из литературы и средств массовой информации и т. д. Люди сами что-то изобретают, наблюдая окружающую реальность и обдумывая свой личный жизненный опыт. У них в сознании образуется то, что можно назвать их идеологическим состоянием.

В человеческих объединениях возникают и функционируют различные идеологии, обладающие различными характеристиками. Многие внеидеологические явления содержат в себе какие-то элементы идеологии и фактически выполняют какие-то идеологические функции. Это, например, литература, театр, живопись, кино, телевидение. Так что можно говорить об идеологическом состоянии человеческих объединений.

Идеологий было много в прошлом и много существует в наше время. Это явления исторические в том смысле, что возникают, какое-то время живут, т. е. овладевают умами и чувствами каких-то множеств людей, и умирают, т. е. выходят из практического употребления, забываются и даже исчезают из человеческой памяти бесследно. Одни из них живут недолго

и охватывают небольшое число людей, другие живут десятилетия, столетия и даже тысячелетия и охватывают огромные массы людей, многие миллионы. Влияние одних на жизнь людей и на ход истории ничтожно, другие же определяют весь образ жизни людей и характер целых народов и исторических эпох. Примером идеологий глобального и эпохального масштаба являются известные мировые религии и марксизм. Примером маленьких (частных и кратковременных) идеологий могут служить идеологии партий, общественных движений, сект. И по текстуальным размерам одни учения могут состоять из небольшого числа фраз, которые можно записать на нескольких страницах, и могут включать в себя огромное число всякого рода сочинений, на профессиональное изучение которых тратят целую жизнь бесчисленные специалисты. Отдельные учения, начав жизнь с нескольких фраз, со временем разрастаются до гигантских размеров.

Идеология может быть зафиксирована явно в виде одного систематизированного учения, как это имеет место, например, в случае марксизма-ленинизма, или может оставаться несистематизированной, рассеянной по многочисленным и разнородным текстам так, что изложить её в виде единого систематичного учения представляется весьма затруднительным делом, как это имеет место, например, в современных западных странах. Возможны смешанные варианты между этими крайностями.

Идеологии различаются по многим признакам. Например, бывают идеологии партий, общественных движений, власти, классов, каст, слоев и т. п. Важно различать частные идеологии, объектами которых являются какие-то части членов человеииков, и идеологии, охватывающие человеиики в целом. В определениях идеологии очень часто (если не как правило) указывают на их классовый характер. Но фактически бывают идеологии неклассовые. Например, неклассовой была советская идеология. Неклассовой является и идеология западнизма. Они являются идеологиями Советского Союза и, соответственно, западных стран в целом, т. е. не рассчитаны на какую-то отдельную часть населения. Это не означает, что все члены человеиика разделяют идеологию человеиика в целом. Это означает лишь то, что такая идеология официально признается компонентом социальной организации, поощряется и порою даже принудительно навязывается всем.

Идеологии различаются также по эволюционному уровню. Я различаю три уровня такого рода: 1) предидеологии; 2) собственно идеологии; 3) сверхидеологии. На первом уровне идеология существует в качестве особой функции более сложного социального объекта, который в целом идеологией не является. Например, идеологическая функция является одной из функций религиозной организации (в частности, церкви). На втором уровне идеология существует в качестве средства особых социальных объектов, являющихся субъектами идеологии. Иначе говоря, на этом уровне идеология выделяется в качестве особого объекта менталитетной сферы, отличного от других (от религии, науки, литературы и т. п.). На этом уровне идеология существует наряду с другими объектами менталитетной сферы. Такая ситуация имеет место в обществах западного мира. На третьем уровне идеология приобретает функции контроля над прочими частями менталитетной сфер, объединяет их в единое целое, подчиняет их себе. Тут происходит идеологизация всей менталитетной сферы человеиика и всего менталитетного аспекта. Это можно было наблюдать в Советском Союзе и других коммунистических странах, а также в гитлеровской Германии. Когда западные теоретики заговорили о конце эпохи идеологий, они под идеологией понимали сверхидеологию в моем смысле. Тот факт, что западные страны фактически были родиной идеологий в смысле упомянутого выше второго уровня и имели их в избытке, они не заметили.

В конкретной реальности различия приведенных уровней выражены не так явно, как в этой абстрактной схеме. Тут одновременно существуют признаки всех трех уровней. Но все же эти уровни, так или иначе, имеют место. Возможно, что какая-то идеология зарождается

как преидеология, затем отпочковывается в виде особой идеологии и со временем становится сверхидеологией. Именно так произошло с марксистской идеологией. Марксистское учение возникло не как идеология. Последняя в нем была лишь одним из аспектов. Лишь с появлением «Манифеста коммунистической партии» (1848 год) можно констатировать появление марксизма как идеологии (второй уровень). В Советском Союзе марксизм стал основой советской сверхидеологии.

Идеологии, наконец, можно различать по интеллектуальному уровню. Одни сочиняются на самом примитивном уровне обывательского мышления, другие – на высотах культуры. В этом диапазоне можно наблюдать самые разнообразные варианты. Примером высокоинтеллектуальных идеологий являются изошренные философские концепции. Очень высокий для своего времени интеллектуальный уровень имела марксистская идеология. И необычайно низкий уровень имеют идеологии целого ряда партий постсоветской России.

Со времени Наполеона, который с презрением относился к идеологии и идеологам, пошла традиция смотреть на идеологию как на ложное, извращенное отражение реальности. Мнение Наполеона разделял и Маркс, ставший по иронии истории создателем величайшей светской (нерелигиозной) идеологии, а не научного понимания человеческого общества, на что претендовал. В справочниках и словарях идеология, как правило, определяется как ложное учение. Я такой взгляд на идеологию отвергаю. Но я тем самым не хочу сказать, будто идеология дает истинное отражение реальности. Тут есть третья возможность, а именно – идеология не истинна и не ложна, к ней вообще неприменимы понятия истинности и ложности. Ее отдельные фрагменты, будучи вырваны из контекста идеологии и взяты сами по себе, т. е. просто как отдельные суждения, могут сопоставляться с реальностью и оцениваться как истинные или ложные. Но идеология как целое оценивается степенью адекватности той социальной реальности, в которой живут её потребители.

Степень адекватности конкретной идеологии той реальности, с которой её сопоставляют, зависит от многих факторов, в их числе – от того, какие явления реальности в ней отражены, насколько важны они, каково соотношение истинных и ложных суждений, входящих в нее. Так что возможно, что степень адекватности идеологии может быть сравнительно высокой, хотя она может содержать много ложных суждений, и низкой, хотя число ложных суждений в ней может быть меньше, чем в первом случае. Степень адекватности идеологии может меняться с годами, если происходит изменение реальности, с которой её соотносят. В реальности могут исчезать одни явления, о которых говорится в идеологии, и появляться новые, о которых в идеологии нет ни слова, хотя эти явления становятся более важными для жизни людей, чем исчезающие. Возможны и противоположные процессы.

Принципиально важно иметь в виду то, что в самом понятии идеологии не должно содержаться указание на искажение реальности. Искажение реальности привносится в идеологию её субъектом, её творцами и пропагандистами, т. е. вмешательством субъективных интересов. Так что априори не исключается возможность идеологического учения с очень высокой степенью адекватности, практически не искажающего реальности. Ведь и в науке, стремящейся к истине, бывают ошибочные теории, но мы на этом основании не включаем в определение науки искажение реальности. Так что определение идеологии как ложного отражения реальности ошибочно логически.

Идеология извращает реальность. Но она это делает в основе своей не в силу дурных намерений и глупости, а в силу своей роли в жизни людей и в силу средств исполнения этой роли. Лишь на этой основе развивается сознательное извращение реальности и изобретается специальная техника для этого. Социальная сущность идеологии состоит не в том, что она извращает реальность, а в том, как именно она это делает и с какой социальной целью. Идеология не просто формирует и организует сознание людей, она создает и навязывает людям определенные стереотипы (алгоритмы) сознания, проявляющиеся в стереотипах поведения.

Задача идеологии – приучить какое-то множество людей сходным образом думать о каких-то явлениях реальности и совершать какие-то поступки под воздействием такого понимания сходным образом. А для этого реальность должна быть таким образом отражена, чтобы эта цель была достигнута. Например, чтобы побудить граждан страны защищать её от врага, идеология должна создавать апологетическую картину своего общества, т. е. выделять и подчеркивать его достоинства и преуменьшать или вообще замалчивать его недостатки, и критически-негативную картину общества врага, т. е. замалчивать его достоинства и выделять его недостатки. И образ врага должен создаваться таким, чтобы к нему возникала ненависть.

Идеосфера общества

При рассмотрении идеосферы мы с самого начала должны принимать во внимание следующее. Это – именно сфера общества, которую образует множество людей, группы и организации людей, в совокупности выполняющих специфические функции в обществе, профессионально занятых выполнением этих функций и удовлетворяющих свои жизненные потребности за счет этой своей деятельности. Проблема заключается в том, каковы эти функции, как организованы упомянутые люди для их исполнения, какими средствами они располагают и как ими оперируют, каков совокупный результат их деятельности. Обычно же эта совокупность факторов игнорируется, и идеосфера сводится к совокупности идей, учений, лозунгов, причем определенного рода, в силу привычки и предрассудка считаемых образцами идеологии.

Людей, образующих идеосферу, будем именовать идеологами. Объектом деятельности идеологов являются люди. Причем не люди вообще, а члены их общества, и не все в людях, а лишь их сознание. Задача идеологов – не изучение сознания таким, каким оно является само по себе, независимо от идеологов, а формирование сознания людей таким, как это требуется интересами самосохранения общества. Идеологи призваны делать сознание таким, какое требуется заранее заданным образцом. Конечно, они в какой-то мере изучают сознание как материал своей работы, как-то опираются на то, что складывается в сознании людей стихийно, на основе их жизненного опыта и общения с окружающими людьми. Но они делают и нечто такое, что в сознании людей без них не существует. Они участвуют в производстве человеческого материала, адекватного условиям и потребностям общества, обслуживая один аспект этого производства – аспект менталитета.

Множество людей, образующих идеологическую сферу общества, не есть всего лишь скопление одиночек. Их объединяет в единую сферу, во-первых, общее дело, которым они заняты, – работа над менталитетом членов общества, профессиональная подготовка, употребляемые ими средства, допуск к этой работе, вознаграждение за нее. Во-вторых, какая-то их часть организована в группы и даже в сложные иерархизированные организации, учреждения, предприятия. А прочие из них рассеяны по другим клеточкам общества, в которых они выполняют функции, в совокупности образующие единый поток. Это единство достигается за счет профессиональной подготовки и дела, которое они должны выполнять в клеточках. Они просто не способны поступать по-другому. К тому же идеологическая сфера опирается на государственную организацию, поддерживается ею, служит ей и сама использует её в своих интересах. Опорой ей являются и другие сферы – экономическая и культуры.

С точки зрения организации идеологическая сфера общества заключена в пределах от одной всеобъемлющей организации до множества сравнительно автономных организаций и «неорганизованных» (в рассмотренном выше смысле) индивидов, т. е. в пределах между монизмом и плюрализмом. Плюрализм в идеосфере не означает наличие нескольких идеосфер, подобно тому, как плюрализм в экономике не означает наличие нескольких экономических сфер. Это – плюрализм в рамках одной идеосферы.

В результате деятельности идеосферы в обществе создается и постоянно поддерживается своего рода идеологическое поле, в сфере влияния которого вынуждены жить все члены общества на всех ступенях социальной иерархии и от рождения до смерти. Вместо слова «поле» можно употреблять более сильные слова «клетка» или «камера». В эти идеологические клетки загоняются не только те, кто подвергается идеологической обработке, но и те, кто их обрабатывает. Это осуществляется путем заполнения мозгов людей определенным идейным содержанием и обучения их определенному способу оперирования содержанием сознания, способу думания, «шевеления мозгами». Это происходит не как одноактная опе-

рация, а как процесс жизни в постоянно поддерживаемом и возобновляющемся идеологическом поле, – в постоянном потоке слов, образов текстов и т. п., вливающимся в головы людей. Фундаментальная функция идеосферы – сделать основную массу членов общества (желательно всех) неспособной к самостоятельному и объективному пониманию явлений реальности, позволяя им в этом отношении лишь то, что необходимо и достаточно для исполнения ими их социальных функций.

Идеосфера создает и сохраняет клетку для сознания людей не по злему умыслу, а по той причине, что без этого вообще невозможно превращение больших масс людей в обладающие сознанием существа. Дело в том, что сознание людей не есть нечто биологически прирожденное. Оно явилось изобретением истории человечества. Оно «пробуждалось» исторически с нуля, если не считать биологические предпосылки. И в наше время оно у вновь рождающихся людей «пробуждается» с нуля и является искусственным продуктом их индивидуального формирования. Сам процесс «пробуждения» сознания есть процесс создания какой-то «клетки» для него, ибо эта «клетка» есть не что иное, как материя сознания. Оно просто не может существовать эмпирически без такой «клетки». Не загоняя сознание в «клетку», его просто не «пробудишь» к жизни. А тут речь идет о сознании огромного числа людей, причем в ряде поколений. А люди – отнюдь не социальные ангелы. Они должны быть организованы и соблюдать определенные нормы поведения, дабы их объединение могло сохраняться как целое. В самой природе сознания не заложено на этот счет никаких предписаний и ограничений. Это должно быть специально изобретено и привнесено в сознание каждого человека извне, причем – навязано ему в принудительном порядке. Сознание людей всегда «пробуждалось», «пробуждается» и будет всегда «пробуждаться» лишь настолько, насколько это диктуется интересами самосохранения их объединений, а не в соответствии с его абстрактно мыслимыми потенциями и не ради некоего прогресса человеческого интеллекта вообще.

Идеология и религия

Чтобы точнее определить, что такое идеология, надо рассмотреть отношения между идеологией, с одной стороны, и религией, философией и наукой – с другой.

Надо различать идеологию и идеологические функции. Функции, подобные тем, какие выполняет идеология, может выполнять и объект, идеологией не являющийся. Религия может выполнять некоторые идеологические функции. Но это не означает, что религия есть идеология. Религия есть инструмент церкви или другой религиозной организации, отличной от идеологического механизма. Религия может играть также функции, отличные от идеологических. Литература и наука тоже зачастую выполняют идеологические функции, но не становятся при этом идеологиями. К тому же религия основывается главным образом на состоянии веры, тогда как идеология основывается на разумном признании или принятии её утверждений. Принятие идеологии не предполагает необходимым образом веру в истинность её постулатов и обещаний, хотя такая вера и возможна (как об этом говорят факты). Оно может оставлять души людей холодными и равнодушными к тому, что принимается. Идеология принимается разумом и из осознанного или подсознательного расчета последствий своего поведения и лучших условий жизни (в крайнем случае, из расчета избежать худшего). Нет внутренней потребности в идеологии. Если допустить, что никто не настаивает на признании идеологии и на официальном подтверждении этого признания, люди вскоре забыли бы о ней. Именно так случилось с марксистской идеологией в России вскоре после того, как её отменили в качестве государственной идеологии. Кроме того, религии, взятые с их организациями и реальной жизненной активностью, без которых они теряют смысл, а не только с учениями, храмами и религиозными ритуалами, выходят далеко за рамки менталитетной сферы. Как правило, религиозные организации (например, христианская церковь) владеют огромными богатствами, включая земли, имеют предприятия и банки, ведут себя как хозяйственные феномены. Бывали случаи, когда эти организации имели вооруженные силы, вели войны, имели свой суд и захватывали высшую власть в человекообразных. Они и теперь создают политические партии и активно участвуют в политических событиях.

Религия возникла ещё на стадии преобладания. Это было в свое время шагом вперед в эволюции менталитетного аспекта человекообразных. В западном мире христианская религия и церковь какое-то время безраздельно господствовали над душами людей, держали в своих руках весь менталитетный аспект зарождающихся обществ. Этот аспект был сравнительно беден. Массы людей были невежественны, имели весьма ограниченный жизненный опыт. И людей не так уж много было. Но постепенно происходило разрастание и усложнение обществ, появление и усиление явлений менталитетного аспекта, выходящих за рамки церковной власти, – разрастание светского образования, культуры, начал науки, философии, социальной светской литературы, социальных исследований, этики, эстетики, педагогики, исторических исследований, медицины и т. д. Возникали государственные университеты. Церковь не могла уже удержать в своих руках полностью дело формирования человеческого менталитета, контроля за ним, манипулирования им.

Упомянутые выше нерелигиозные элементы менталитетной сферы приобретали в западных обществах доминирующее значение. Отделение церкви от государства, гонения на религию, веротерпимость и религиозный плюрализм – все это было признаками того, что общество становилось или уже являлось нерелигиозно-идеологическим. Религия становилась второстепенным компонентом менталитетной сферы, выполняя фактически идеологические функции наряду с нерелигиозной идеологией и даже уступая ей. Возникновение и усиление нерелигиозной идеологии было опять-таки колоссальным шагом вперед в эволюции менталитетного аспекта человекообразных. Этот шаг был сделан, я думаю, в эпоху Возрож-

дения. Нерелигиозная идеология явилась в мир как борьба против религиозного мракобесия, как просвещение масс людей, как новый взгляд на бытие, на человека, на общество. Основой для неё или по крайней мере важнейшим компонентом стала философия.

Идеология и философия

На заре философии в нее, по всей вероятности, включали вообще всю сферу познания человека и его природного и социального окружения. Не научного познания, хотя элементы и фрагменты науки зарождались уже тогда в рамках философии, а познания в отличие от религии, т. е. как светского (нерелигиозного) явления. Шли годы. От философии отпочковывались отрасли познания, со временем превращавшиеся в науки. Отпочковалось естествознание. Совсем недавно отпочковались социология и психология. На грани отпочкования находятся этика и эстетика. Предмет философии вроде бы сужался. Но при этом философия все-таки удерживала за собой что-то из отпочковывавшихся сфер познания. Это – человеческое сознание (мышление, думание, интеллект), окружающий человека мир (бытие) и познание человеком бытия. Философии прошлых веков этим трем предметам её внимания соответствовали логика, онтология (мировоззрение) и гносеология (теория познания). Если отбросить все внешние наслоения и многосмысленность словоупотребления, то упомянутые сознание, бытие и познание и их взаимоотношения были и остаются специфическими для философии предметами.

Но одно дело – выделить предмет внимания, и другое дело – понять его, изучить. Философия считалась наукой и до сих пор претендует на этот статус. Имеет ли она для этого основания? Ответ зависит от того, как мы понимаем науку. Если наукой называть сферу человеческой деятельности, профессионально занятую производством каких-то знаний, их хранением, разработкой методов получения таких знаний, то в число наук попадет и алхимия, и астрология, и магия. Тогда можно называть наукой и философию. Но если к науке предъявить более строгие требования, такие, что алхимию, астрологию и т. п. придется исключить из числа наук, то и философия лишится статуса науки. Например, такими требованиями являются следующие: субъективная беспристрастность, познавательная объективность, специальная методология (техника) исследования, следование правилам логики (в частности, однозначность и точная определенность понятийного аппарата). Не представляет труда показать, что в колоссальном объеме философских текстов лишь ничтожная часть её фрагментов удовлетворяет этим требованиям. Подавляющая же масса текстов сочинялась и сочиняется так, что может служить образцами нарушения всех законов логики. Рассмотрим простой пример этому.

В самом начале философского образования студентов знакомят с образцами древнегреческой философской мудрости, например, сообщают изречение: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды». У пораженного этой мудростью студента, привыкшего неоднократно ездить или бегать купаться в одну и ту же реку, ходить ночевать в один и тот же дом, встречаться с одними и теми же друзьями, ходить в ту же аудиторию слушать лекции того же самого профессора и т. д., естественно возникает вопрос, как понимать эту премудрость. И ему разъясняют старшие мудрецы: это означает, что река все время меняется. Общеизвестный банальный факт. Почему бы этим и не ограничиться? Но философам этого мало. Нужно эту банальность выразить так, чтобы она поразила воображение своей алогичностью. В самом деле, поставьте перед мудрецом-философом такой вопрос: а что значит «предмет (в том числе – река) изменяется»? Ответ очевиден: предмет (причем – тот же самый!) в одно время имеет какие-то свойства, а в другое время после этого не имеет этих свойств (или в одно время не имеет каких-то свойств, а в другое время после этого имеет их). Заметьте, один и тот же предмет! Логическая нелепость рассматриваемого изречения очевидна. И такими словесными трюками набита вся философия. Причем, эти трюки не случайны: они связаны с самой «техникой» философского мышления.

В философских сочинениях можно обнаружить самые различные мыслительные приемы (операции). Но в основе их всех лежит следующая операция. В наблюдаемых явлениях мысленно выделяется (абстрагируется) некоторое свойство. Оно обозначается каким-то языковым выражением (обычно отдельным словом). В реальности это свойство не существует само по себе, независимо от явлений, свойством которых оно является. Но в сочинениях философов оно наделяется самостоятельным существованием. Обозначающее его языковое выражение наделяется логическим статусом, каким обладают слова, обозначающие явления в целом. В логической терминологии это выглядит так. Слова, обозначающие упомянутые явления, называются субъектами, а слова, обозначающие свойства этих явлений, называются предикатами. Философы придают предикатам статус субъектов. Так появляются философские понятия «бытие», «сознание», «пространство», «время», «движение», «сущность», «свобода», «необходимость» и т. п. И затем с этими знаками философы начинают рассуждать, не осуществив должную логическую обработку этих языковых средств. Они просто не умеют такую обработку делать. У них вырабатываются свои методы языковых манипуляций, своя «философская культура».

Хотя в рамках философии что-то делалось и делается теперь на научном уровне, философия в целом осталась сферой интеллектуальной деятельности на дологическом, нелогическом и даже алогическом уровне. В ней родился идеологический способ мышления, отличный от научного. Все научное из неё ушло. Пока в рамках философии удерживается логика и методология науки. Но они не определяют общее состояние философии. К тому же они сами нуждаются в радикальном пересмотре, чтобы стать наукой в строгом смысле слова.

Идеология и наука

Надо различать науку как таковую и сферу науки как множество людей, организаций и учреждений, занятых добыванием, хранением, обработкой и предложением научных знаний, а также подготовкой соответствующих специалистов. Эта сфера есть часть общества, функционирующая по общим социальным законам. Эта сфера жизнедеятельности людей, в которой они добывают средства существования, добиваются успеха и делают карьеру. И достижение истины тут есть лишь один из стимулов деятельности, причем далеко не всегда главный. Научные истины добываются не в чистом виде, а в массе заблуждений, ошибок и извращений. Говоря об отношениях науки и идеологии, я имею в виду первое понимание науки.

Идеология зародилась и формировалась как стремление создать научное понимание всего того, что входило в круг интеллектуальных интересов людей, в противовес религиозному учению обо всем этом, то есть о космосе, природе, обществе, человеке, мышлении, познании. Наука осталась источником идеологии и в наше время. Но наука не становится идеологией. Идеология пожирает науку, но не превращается в то, что она пожирает. Продукты её «пищеварения» суть не что иное, как пища.

Наука и идеология различаются по целям, по методам и по практическим приложениям. Наука имеет целью познание мира, достижение знаний о нем. Она стремится к истине. Идеология же имеет целью формирование сознания людей и манипулирование их поведением путем воздействия на их сознание, а не достижение объективной истины. Она использует данные науки как средство, опирается на науку, принимает наукообразную форму и даже сама добывает какие-то истины, если это уже не сделано другими. Но она приспособливает истину к своим целям, подвергает её такой обработке, какая необходима для более эффективного воздействия на умы и чувства людей и в какой заинтересованы те или иные группы людей, организации, классы и даже целые народы.

Идеология, как и наука, оперирует понятиями и суждениями, строит теории, производит обобщения, систематизирует материал, классифицирует объекты, короче говоря – осуществляет многие мыслительные операции, какие являются обычными в науке. Но между идеологией и наукой и в этом есть существенное различие. Наука предполагает осмысленность, точность, определенность и однозначность терминологии. Она по крайней мере к этому стремится. Утверждения науки предполагают возможность их подтверждения или опровержения. Понимание науки предполагает специальную подготовку и особый профессиональный язык. Наука вообще рассчитана на узкий круг специалистов. В идеологии все эти условия не соблюдаются, причем не вследствие личных качеств идеологов, а вследствие необходимости исполнить роль, предназначенную для идеологии. В результате ориентации на обработку сознания масс людей и на манипулирование ими получают языковые конструкции, состоящие из расплывчатых, многосмысленных и даже вообще бессмысленных слов, из непроверяемых (недоказуемых и непроверяемых) утверждений, из однобоких и тенденциозных концепций. Результаты науки оцениваются с точки зрения их соответствия реальности и доказуемости, то есть критериями истинности, результаты же идеологии – с точки зрения их эффективности в деле воздействия на сознание людей, то есть критериями социального поведения.

Методы идеологии и науки лишь частично совпадают. Но по большей части они настолько различны, что можно констатировать принципиально различные типы мышления – идеологический и научный. Для первого характерным становится априоризм, то есть подгонка реальности под априорные концепции, нарушение правил логики (алогизм) и методологии познания, не говоря уж о научной этике. Приведу пример. В 1992 году группа эконо-

мистов по заданию ООН установила, что страны с высоким уровнем жизни имеют более высокий индекс политической свободы, чем страны с низким уровнем жизни. Само это «открытие» не стоит выеденного яйца. Но эти «открыватели» пошли дальше: они сделали вывод, будто причина бедности – политическая система бедных стран. Чтобы преодолеть бедность, эти страны должны перестроить свой социально-политический строй по западным образцам. Вывод сделан с нарушением всех правил логики и методологии науки. Его идеологическая ориентация очевидна – эти «ученые» имели заданную установку и подгоняли под неё свое якобы научное исследование. Примерами такого рода кишат сочинения бесчисленных «исследователей» общественных явлений.

Люди, которые руководствуются принципами науки в понимании общественных явлений, суть чрезвычайно редкое исключение. Их почти что нет, а порою они исчезают совсем. Это не случайно. Научное понимание общественных явлений требует высокого уровня образования и гибкости интеллекта, редко и плохо вознаграждается само по себе (то есть если не служит идеологии и политике), не согласуется с обывательскими представлениями, плохо защищено от агрессии со стороны общечеловеческой глупости и от ложной уверенности в том, будто всякий опытный в житейском отношении человек уже тем самым является компетентным судить о фактах общественной жизни.

Общественные явления настолько сильно затрагивают интересы людей, что они (люди), воображая, будто выражают объективную истину, на самом деле выражают свои интересы, лишь придавая им обманчивую форму истины. Ко всему прочему, истина, вся истина и только истина о социальных явлениях людям практически не нужна. Им достаточно получить капельки истины, растворенные в идеологической жидкости. А обнаженная истина об общественных явлениях порождает гневное осуждение со стороны всякого рода моралистов и демагогов. Они скорее примирятся со злом, чем с научной истиной, объясняющей закономерность и социальную роль зла.

В отношении данных естественных наук действуют другие, не менее принудительные причины их идеологического «переваривания». Широкие слои населения проявляют интерес к достижениям науки. Ознакомление их с этими достижениями предполагает популяризацию, рассчитанную на непрофессиональный уровень людей, что само по себе означает искажение результатов науки, упрощение, схематизацию, привнесение в науку чужеродных образных пояснений и т. д. А главное – при этом приходится иметь дело уже с воспитанными в определенном духе массами людей. Чтобы завладеть их вниманием, просветители и популяризаторы науки превращаются в мошенников, придающих скучным самим по себе результатам науки необычный, яркий, сенсационный и даже мистический вид. От науки при этом остаются лишь имена и смутные намеки на их реальные результаты. Основная масса такой продукции оказывается чудовищным извращением научных истин, умело замаскированным под «подлинную» и «новаторскую» науку. Эти извращения порою принимают такой вид, что не только обыватели с примитивным интеллектом, но даже изощренные в интеллектуальной работе профессионалы сами не могут разглядеть, где истина и где мошенничество. Так произошло в XX веке со многими достижениями логики, математики, физики, психологии, биологии. Вся так называемая «научная фантастика» есть фальсификация достижений науки. Она вполне сопоставима с мракобесием невежественного Средневековья.

Человек, который самыми безукоризненными научными методами покажет, что почти вся научно-популярная и художественная литература, сложившаяся на основе использования идей логики, математики, физики, психологии и других наук, есть шарлатанство, что научно-фантастические фильмы и романы суть явления антинаучные, – такой человек не будет услышан даже в кругах профессионалов.

Сознание современного среднеобразованного человека по многочисленным каналам (радио, кино, журналы, научно-популярная литература, научно-фантастическая литература)

начинается огромным количеством сведений из науки. Безусловно, при этом происходит повышение уровня образованности людей. Но при этом достижения науки преподносятся людям особого рода посредниками – «теоретиками» данной науки, популяризаторами, философами и даже журналистами. А это огромная социальная группа, имеющая свои социальные задания, навыки и традиции. Так что достижения науки попадают в головы простых смертных уже в таком профессионально препарированном виде, что только некоторое словесное сходство с отправным материалом напоминает об их происхождении. И отношение к ним теперь иное, чем в их научной среде. И роль их становится здесь иной. Так что, строго говоря, здесь происходит образование своеобразных двойников для понятий и утверждений науки. Некоторая часть этих двойников на более или менее длительное время становится элементом идеологии.

Одной из самых любопытнейших черт пропаганды научных достижений является стремление придать конкретным научным открытиям не только вид переворота в понимании той или иной области действительности, но и вид сенсационного переворота в логических основаниях науки вообще. Иногда это делают прямо, заявляя о непригодности «старых» правил логики в каких-то новых областях науки. В частности, чуть ли не предрассудком в некоторых кругах стало мнение, будто для микромира нужна совсем иная логика, чем для макромира. Иногда это делают косвенно, подвергая критике некий косный и отсталый здравый смысл простых смертных, не причастных к великим тайнам современной науки. Пространству, например, приписывается способность сжиматься и растягиваться, искривляться и выпрямляться, а времени приписывается способность двигаться (течь, идти), способность двигаться медленнее и быстрее, вперед и назад. При этом умалчивают о том, что упомянутые свойства вещей являются обычными именно с точки зрения здравого смысла. И если последний протестует против того, чтобы приписывать их пространству и времени, то вовсе не потому, что он необразован и консервативен, а потому, что даже на самом примитивном уровне здравого смысла ясно, что пространство и время заключают в себе что-то такое, что мешает рассматривать их как эмпирические вещи, которые можно пощупать, сжать, растянуть, сломать и т. п., и это «что-то» суть неявные соглашения о смысле употребляемых языковых выражений и правила логики, усваиваемые в какой-то мере в языковой практике. Все трюки с понятиями пространства и времени, которыми в течение многих лет потрясают воображение читателей, основываются на неясности и неопределенности привычных выражений, а также на их неявном переосмысливании. Эти трюки суть трюки языка, на котором говорят о пространстве и времени. Наука, язык которой отвечает нормам логики, не может вступить в конфликт со здравым смыслом, если последний есть некоторая совокупность истинных утверждений непосредственного опыта плюс некоторые правила логики, так или иначе усвоенные людьми. Словесные манипуляции с «новейшими достижениями науки» и полнейшее пренебрежение к логическим основаниям терминологии, возводимое в ранг все более глубокого проникновения в сущность микромира, пространства и времени, космоса, жизни, психики, мозга и т. д., стали характерными явлениями идеологической обработки масс людей.

Такого рода спекуляция за счет плохой логической обработки языка и языковые трюки не случайны. Открытиями в конкретных областях науки теперь никого не удивишь. К ним привыкли. А к «переворотам» в науке, вступающим в конфликт с логикой, привыкнуть нельзя. Факт, который невозможен логически, но о котором авторитетные жрецы Науки говорят, что он происходит согласно последним достижениям науки, есть чудо в духе высококоразвитой науки нашего времени. Религиозное мракобесие прошлого, реанимируемое и процветающее в наступившем тысячелетии, уживается, дополняется и подкрепляется мракобесием, исходящим с высот науки.

Идеологическое мышление

Идеология создается по определенным правилам, которые в совокупности образуют идеологический способ мышления (или аппарат идеологизированного сознания). Этот способ прививается всем идеологически обрабатываемым людям. Благодаря этому способу люди и без идеологов делают то же самое в отношении явлений бытия, которые они наблюдают, в которых они участвуют и о которых узнают от других людей и из средств информации, что делают или делали бы профессиональные идеологи. Они учатся сами идеологически «переваривать духовную пищу», получаемую для своего сознания, – учатся сами сохранять идеологическую клетку для своего сознания. Люди не могут вечно находиться под контролем идеологов. Идеологи не могут уследить за всем и за всеми. Так что значительная часть идеологической работы передается самим обрабатываемым. Идеи овладевают массами тогда глубоко и устойчиво, когда их «переваривание» в нужном духе становится привычным делом для представителей масс.

Для того чтобы охарактеризовать идеологический способ мышления, надо отличить его от научного. Последний характеризуется комплексом признаков, среди которых следует назвать субъективную беспристрастность, познавательную объективность (изучаемый объект должен существовать независимо от исследователя и изучаться таким, каким он является на самом деле) и следование правилам логики и методологии науки. Идеологический способ мышления является во многом антиподом научного.

Задача идеологов состоит в том, чтобы научить и приучить людей видеть и понимать окружающий мир и самих себя не такими, какими они являются сами по себе (объективно, в силу законов бытия), а так, как это требуется согласно априорным учениям самих идеологов, – учить людей не самостоятельному познанию бытия, а тому, как люди должны видеть бытие, что пропускать в свое сознание из того, с чем им приходится сталкиваться, и в каком виде. Иначе говоря, идеологи изобретают определенное видение (понимание) бытия, и оно становится априорным по отношению к формируемому сознанию членов общества.

Идеологи изобретают определенного рода интеллектуальные (языковые) схемы, штампы, клише, этикетки, ярлыки, образы, обобщающие примеры и образцы, притчи, крылатые фразы, лозунги и т. п., причем не в качестве подсобных средств на пути к познанию бытия таким, каково оно есть, а в качестве конечного и высшего результата познания. Их социальная функция – дать людям априорный интеллектуальный аппарат восприятия окружающего их мира и интеллектуальной ориентации в нем.

Другая черта, отличающая идеологическое мышление от научного, – пристрастность. Причем, это даже считается качеством, якобы способствующим лучшему научному пониманию явлений реальности. Так, в среде марксистов было обычным называть переход Маркса на позиции пролетариата в числе условий научности марксовского учения. На самом же деле, наоборот, это обстоятельство стало одним из условий того, что марксизм остался на уровне идеологии.

Идеологическое мышление является нелогическим с точки зрения формального аппарата – дологическим, антилогическим и псевдологическим. Логическое мышление есть мышление по правилам логики и методологии науки. Логическая «техника» (логический аппарат) есть совокупность средств и правил научного исследования объектов, есть «техника» достижения, фиксирования и использования научной истины. Не следует думать, будто все люди владеют этой техникой одинаково и будто во всех случаях оперирования языком люди пользуются ею. Обычно люди очень редко пользуются логической техникой, а если пользуются, то на довольно примитивном уровне и неосознанно. Лишь немногие специалисты пользуются ею на высоком уровне и осознанно. Причем, даже они пользуются ею

чаще в силу привычки, приобретенной в процессе обучения, не отдавая себе отчета в сущности применяемых средств.

Техника (аппарат) идеологического мышления определяется функциями идеологии в обществе. Систематического научного описания этих средств (техники, аппарата идеологии) не существует. Причины такого состояния – это не так-то просто сделать, а общественная заинтересованность в этом отсутствует. Даже наоборот, имеет место сильнейшая заинтересованность в том, чтобы это не делалось.

Чтобы дать систематичное научное описание техники идеологического мышления, надо сначала построить систематичное описание техники логического мышления, т. е. дать систематическое построение логики и методологии науки. Надо, затем, в каждом шаге изложения теории логического мышления указать возможные нарушения правил логики и показать, как эти нарушения осуществляются технически.

Вместе с тем идеологическое мышление сохранило генетическую связь с логическим и претензии на логичность. Будучи антиподом логического мышления, оно стремится выглядеть логическим, имитируя его. Оно нарушает правила логики, используя сами правила логики. Оно продуцирует ложь, используя истину. И на этом пути оно достигло высоких результатов, порою – виртуозных. Более того, оно в качестве средства манипулирования людьми, «промывания» мозгов в массе своей неизмеримо превзошло логическое мышление. Оно стало всеобъемлющим, овладев сознанием не только широких слоев населения, но и правящей и интеллектуальной элиты.

Родина идеологии

На Западе существовало и до сих пор сохраняется убеждение, будто западные общества являются неидеологическими в отличие от коммунистических стран. При этом представляют себе идеологию в том виде, какой она приняла в коммунистических странах. Но отсутствие в стране единой государственной идеологии и единого государственного идеологического аппарата ещё не означает отсутствие в этой стране всякой идеологии и всяких средств идеологической обработки населения. На самом деле в любом обществе существует идеосфера как компонент социальной организации, и западные страны не являются исключением из этого социального закона. Более того, идеология вообще есть детище западного мира. Именно тут она возникла исторически как особый компонент социальной организации общества, отличный от религии, науки, литературы и других явлений менталитетного аспекта.

Само слово «идеология» было введено в употребление на Западе. Это было сделано французским мыслителем Десто де Траси в 1796 году. Им же была предпринята первая в истории попытка построить идеологию как определенную систему.

Идеология не была занесена на Запад извне, как это произошло с марксистской идеологией в России, а возникла и развилась тут имманентно. Она складывалась веками, естественноисторическим путем, в общем процессе духовного и культурного развития народов Запады, а не навязана кем-то сверху как нечто готовое. Она создавалась усилиями огромного числа философов, экономистов, социологов, политологов, писателей, политических и общественных деятелей, ученых. Среди создателей её были такие выдающиеся личности как Бэкон, Локк, Гоббс, Смит, Миль, Монтескье, Руссо, Гельвеций, Дидро, Вольтер, Гольбах, Кант, Гегель и многие другие, имена которых навечно остались в памяти человечества.

Идеология на Западе складывалась по самым различным линиям и на различных уровнях как определенная форма понимания мира, человека, познания, общества вообще и нового общественного устройства, как форма самосознания нового общества. Одновременно она складывалась и как организация общественного сознания, и как стандартизация сознания людей, и как совокупность средств ориентации в новой социальной среде и приспособления к ней, и как система самозащиты общества от разрушающих его и противодействующих ему сил.

На Западе нет единой государственной (официально признанной) идеологии в форме целостного учения, как это было в Советском Союзе до недавнего времени. Она изложена в бесчисленных монографиях солидных ученых, в учебных пособиях для школьников и студентов, в популярных книгах и статьях для широкого круга читателей, в лекциях по телевидению, в газетных и журнальных статьях. Все то, что называют общественными науками, так или иначе содержит идеологию в больших дозах.

Западная идеология является плюралистической в том смысле, что состоит из множества различных идей, учений, концепций, направлений мысли. Ее части невозможно механически объединить в единое логическое целое. Эти части зачастую противоречат друг другу, враждуют между собою. Тем не менее этот плюрализм можно рассматривать как проявление общего плюрализма западнизма.

В западном обществе нет точно такого идеологического механизма, какой был в СССР. Но это не значит, что тут нет никакого идеологического механизма. Тут существует свой механизм, по размерам и по характеру деятельности вполне сопоставимый с таковым коммунистических стран, а во многих отношениях превосходящий последний. Он сложился как составной элемент общего процесса формирования культуры, системы образования и вос-

питания, средств массовой информации, учреждений государства, гражданского общества. Сложился как-то незаметно, без специальных решений высших властей.

Функции идеологов в западных странах выполняют философы, социологи, психологи, историки, политологи, журналисты, писатели, политики, советники в учреждениях власти и в партиях, сотрудники секретных служб и органов пропаганды. Имеются особые исследовательские учреждения, агентства и центры, так или иначе занятые проблемами идеологии. По крайней мере во многих газетах, журналах, издательствах, учебных заведениях и т. д. есть люди, выполняющие функции идеологического контроля. Они решают, что писать и как писать, что говорить и как говорить, что печатать и что нет. Они решают, какие делать фильмы, какие составлять программы для телевидения, что и как пропагандировать, какие устраивать зрелища и массовые действия с идеологической подоплекой, какие проводить кампании, как отбирать и препарировать информацию.

Положение в идеологической сфере стран Запада подобно положению в экономике. Тут тоже можно говорить о некоем рынке идей, который функционирует так, как будто им управляет «Невидимая рука». Тут есть те, кто производит и сохраняет идеологию, т. е. предлагает идеологические товары и услуги, и есть спрос, с которым считается предложение и который сам формируется предложением. И на этом рынке «Невидимая рука» не есть нечто лишь воображаемое. Это – определенная система лиц, учреждений и организаций, вступающих в определенные контакты и достаточно хорошо подготовленных, чтобы оценить положение на идеологическом рынке. И главная роль в идеологическом механизме современного западного мира принадлежит средствам массовой информации – «ватиканам» западнизма.

На Западе родилась и коммунистическая идеология. Обычно, говоря о коммунистической идеологии, имеют в виду её самую развитую и грандиозную форму, а именно – марксизм. Но ведь даже школьники знают, что идеи коммунистического общества задолго до Маркса высказал английский мыслитель и государственный деятель Томас Мор. В 1516 году он опубликовал свою знаменитую и, я в этом уверен, бессмертную книгу, которую для краткости стали называть «Утопией». В ней он изложил идеи относительно идеального общества, которые потом вошли в описание «полного коммунизма» Маркса. Через сто лет после Мора (в 1623 году) итальянец Томазо Кампанелла написал книгу «Государство Солнца». В ней он изложил проект идеального общества, близкий по основным идеям проекту Мора. Те же идеи до Маркса развивали французы Мабли, Кабе, Сен-Симон и Фурье, а также англичанин Оуэн.

Маркс придал идеям коммунизма такой вид, что коммунистическая идеология стала первой в истории человечества массовой идеологией в строгом смысле слова и сыграла огромную историческую роль. Марксизм стал идеологией революционных и реформаторских партий, был внесен в массы путем систематической пропаганды. Вплоть до 1917 года идеи коммунистического общества были монополией западных интеллектуалов. В Россию, будущую родину реального коммунизма, они были занесены с Запада. Так что, встав на путь воинствующего антикоммунизма, Запад обрушился на свое собственное детище.

Марксизм

Марксизм – феномен гигантского масштаба. Я не претендую хотя бы на мало-мальски полную его характеристику. Коснусь лишь некоторых его аспектов, непосредственно относящихся к теме этой работы.

Марксизм является самой грандиозной идеологией в истории человечества по содержанию, по интеллектуальному уровню и по той роли, какую он сыграл. На нем наиболее отчетливо можно видеть общие черты и закономерности идеологии как социального явления. Без знания его содержания и его исторической судьбы невозможно создать мало-мальски серьезную идеологию (причем – любую по направленности, не обязательно коммунистическую), соответствующую условиям жизни, проблемам и перспективам эволюции человечества в наступившем третьем тысячелетии.

Марксизм возник в середине девятнадцатого столетия на основе наблюдения и изучения социальной реальности того времени и на основе интеллектуального материала, накопившегося к тому времени. Возник как явление в менталитетном аспекте стран западноевропейской цивилизации. Возник на высотах эволюции социальной реальности того времени и её осознания. Датой его рождения как четко оформившейся идеологии можно считать написание Марксом и Энгельсом «Манифеста коммунистической партии» в 1848 году. Конечно, «Манифесту» предшествовали другие их сочинения. Но именно с «Манифеста» началось существование марксизма в качестве особого социального феномена – величайшей идеологии.

Сам Маркс не считал свое учение идеологией. Как я уже заметил, Маркс считал идеологию искаженным отражением реальности. Марксизм возник с самосознанием научного понимания реальности, с претензией на научность. И сомневаться в искренности намерений марксизма на научность не приходится. Дело в том, как понималась сама научность в те годы и как она могла реализоваться в практике исследования. Намерение изучать реальность научно в том смысле, что она рассматривается такой, какой она является на самом деле, само по себе ещё не гарантирует того, что она будет понята именно так. И в рамках науки бывают ошибки, создаются ложные теории, выдвигаются бредовые гипотезы. Чтобы понять реальность такой, какой она является на самом деле, нужны специальные приемы исследования. А их может не быть в наличности, их ещё нужно изобретать. А это зависит от интеллектуального состояния научной среды. Как бы критически не относились Маркс и Энгельс к тем интеллектуальным источникам, от которых они отталкивались (немецкая философия, английская политэкономия и французский социализм), они так или иначе были ограничены возможностями образования и способов мышления своего времени. Их научность выразилась конкретно в создании определенной теоретической концепции, которая согласно их собственным взглядам не могла быть абсолютно бесспорной истиной (как это и оказалось фактически). Ведь разгромил же Энгельс Дюринга, который был первым, кто выдвинул идею аксиоматического метода в социальных исследованиях, опередив свое время чуть не на столетие. Аналогично Маркс громил Робертуса, который был новатором в смысле применения математических методов в социальных исследованиях, точно так же опередившим свое время, чего нельзя сказать об основателях марксизма. Я говорю это не в качестве упрека им, – они играли в истории совсем другую роль, в которой не имели себе равных, а именно – роль не научную, а идеологическую.

И беспрецедентный исторический успех марксизма объясняется не какой-то высочайшей научностью, как это было многими принято думать, а идеологичностью, обладавшей в те и последующие годы высочайшей эффективностью, которая была обусловлена реальными обстоятельствами, лишь в незначительной степени получившими отражение в марк-

сизме, но отнюдь не понятными научно. Если бы марксизм был учением, действительно соответствовавшим принципам научности, то при описании будущего для того времени коммунистического социального строя он должен был бы считаться с тем, что никакой достаточно большой человек не может существовать без бюрократического управленческого аппарата, что материальное и социальное неравенство людей неустранимо, что оно лишь меняет формы, и другими явлениями любой социальной реальности. Но в таком случае марксизм не имел бы серьезного успеха.

Интересна с этой точки зрения роль, какую сыграл «Капитал» Маркса. Даже Ленин как-то заметил, что лишь немногие поняли этот гигантский труд, причем поняли неправильно. Был создан идеологический миф, будто в «Капитале» дано высоконаучное объяснение и обоснование всех важнейших утверждений и прогнозов марксизма. На самом деле ничего подобного в нем нет. Он сыграл свою роль именно своей непонятностью, именно как миф, заменивший миф божественной мудрости и божественных предначертаний.

В марксизме отчетливо различаются следующие части: 1) философская; 2) социологическая; 3) футурологическая. Первая получила название диалектического материализма. Она охватывает учение о сознании, бытии и познании. Вторая получила название исторического материализма. Она охватывает общее учение о социальных явлениях (об обществе) и об обществе капиталистическом специально. Третья часть получила название научного коммунизма. Считалось, что все эти части – научные. Якобы философия тут впервые в истории стала наукой. В советские годы марксистскую философию так и определяли: как науку об общих законах бытия, сознания (мышления) и общества. Марксистское учение об обществе считалось единственно научным. Все прочие социальные мыслители считались либо антинаучными, либо в той или иной мере приближающимися к научному марксистскому уровню. «Капитал» считался вершиной экономической науки. Учение о будущем устройстве человечества так и называлось научным (!) коммунизмом. Все три части образовывали единую систему. Считалось, будто они связаны воедино логически. Исторический материализм считался распространением диалектического материализма на сферу общественных явлений. Научный коммунизм считался логическим следствием учения о законах развития общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.